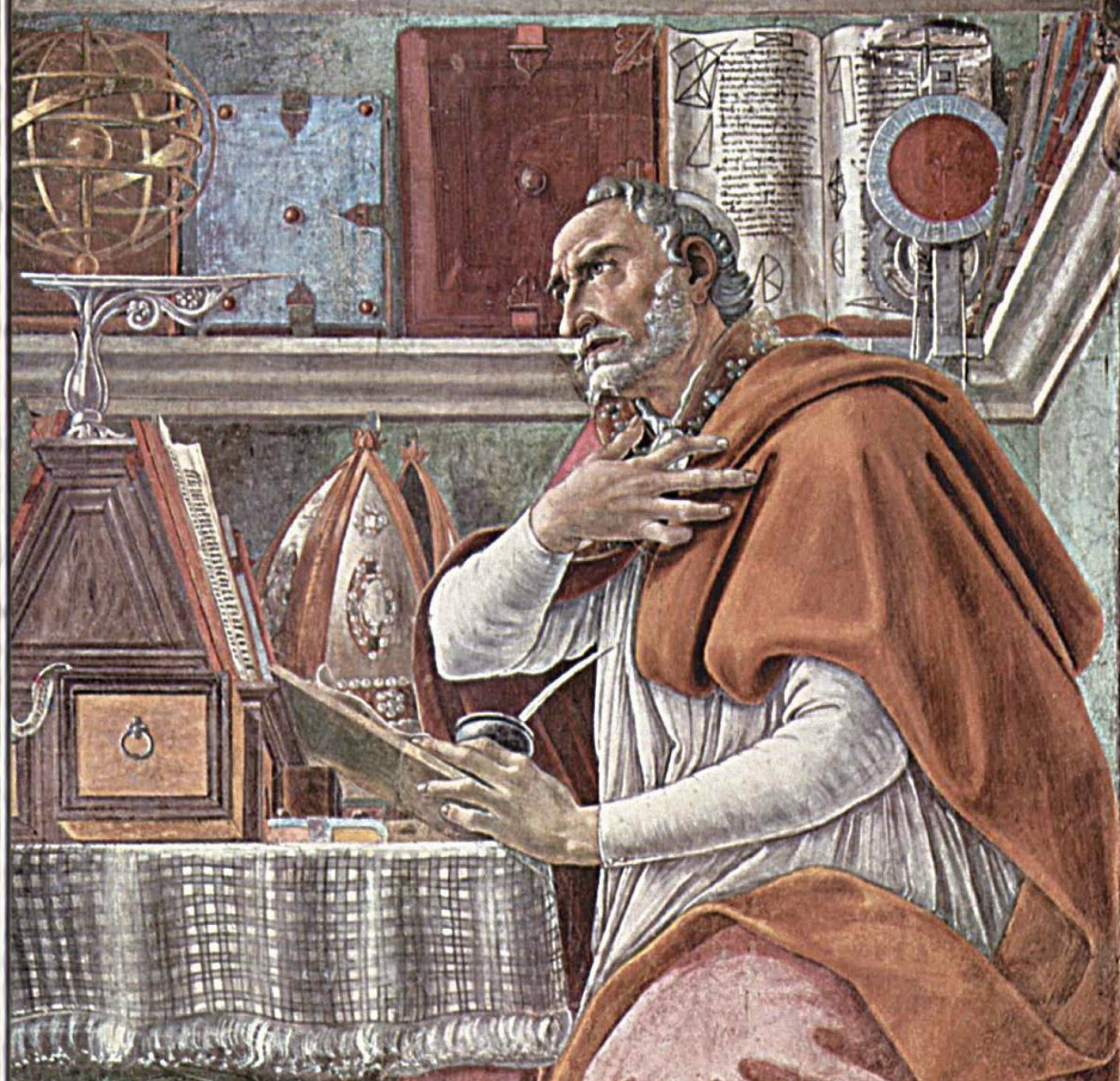


СРЕДНЕВЕКОВАЯ ФИЛОСОФИЯ

И ЦИВИЛИЗАЦИЯ



М. де ВУЛЬФ

Морис де Вульф

**Средневековая
философия и цивилизация**

«Центрполиграф»

УДК 1(091)
ББК 87.3

де Вульф М.

Средневековая философия и цивилизация / М. де Вульф —
«Центрполиграф»,

ISBN 978-5-9524-5114-8

Книга выдающегося ученого Мориса де Вульфа представляет собой обзор главных философских направлений и мыслителей жизненно важного периода Западной цивилизации. Автор предлагает доступный взгляд на средневековую историю, охватывая схоластическую, церковную, классическую и светскую мысль XII—XIII веков. От Ансельма и Абеляра до Фомы Аквинского и Вильгельма Оккама Вульф ведет хронику влияния великих философов этой эпохи, как на их современников, так и на последующие поколения. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 1(091)
ББК 87.3

ISBN 978-5-9524-5114-8

© де Вульф М.
© Центрполиграф

Содержание

Глава первая	6
I. Взаимосвязь философских аспектов в Средние века	6
II. Методы	8
III. Значение XII и XIII веков в средневековой цивилизации	12
IV. Обзор этих веков	14
Глава вторая	16
I. Феодалная Европа	16
II. Влияние католичества: Клуни, Сито, епископство, папство	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Морис де Вульф

Средневековая философия и цивилизация



Maurice de Wulf
PHILOSOPHY AND CIVILIZATION IN THE MIDDLE AGES



Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2014
© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2014
© ЗАО «Центрполиграф», 2014

Глава первая Введение

I. Взаимосвязь философских аспектов в Средние века

В последнее время изучение средневековой философии подверглось значительным изменениям, и продвижения в этой области исследований были важны. Почва была перевернута со всех сторон, и точно так же, как и в археологических раскопках, таких, какие велись в Помпеях и Тимгаде¹, здесь тоже неожиданные открытия обильно вознаграждали наши поиски. Поскольку такие люди, как Иоанн Скот Эриугена, Ансельм Кентерберийский, Абельяр, Гуго Сен-Викторский, Иоанн Солсберийский, Александр из Гэльса, Бонавентура, Альберт Великий, Фома Аквинский, Дунс Скот, Сигер Брабантский, Теодорих Фрайберг, Роджер Бэкон, Уильям Оккам, являются мыслителями первого порядка, их труды заслуживают пристальных исследований.

Кроме того, существует множество других философов, чья мысль была представлена в истинном свете и чье значение становилось все яснее по мере прогресса исторических исследований.

Изучение средневековой философии, однако, до этого ограничивалось главным образом доказательством фактических доктрин и демонстрацией их развития или связи между одним философом и другим, в то время как историческому окружению в самой средневековой цивилизации этих доктрин уделялось мало внимания. Но в бьющей ключом жизни цивилизации существует взаимосвязь многочисленных и сложных элементов, ее составляющих. Таковы, к примеру, экономическое благосостояние, институты семьи и общества, политическая и юридическая системы, моральные, религиозные и эстетические устремления, научные и философские концепции, ощущение прогресса в развитии человека. Взаимозависимость этих различных импульсов, возможно, гораздо очевиднее в сфере экономики, политики и искусства, но она также обнаруживается и в проявлении интеллектуальных и моральных факторов.

С первого взгляда может показаться, что философия проявляет определенный иммунитет в отношении превратностей смены времен из-за проблем, с которыми она имеет дело; но при ближайшем рассмотрении оказывается, что и она тоже неизбежно застревает в сетях времени. Историки философии признают самим собой разумеющимся, что в трудах Платона и Аристотеля мысль этих философов отражает условия существования афинского общества их дней. Точно так же никто не претендует на точное понимание таких мыслителей, как Фрэнсис Бэкон и Гоббс, лишь в свете политических, экономических и культурных в широком смысле этого слова условий их века. Аналогично в нашем исследовании средневековой философии мы не можем должным образом считать Ансельма, или Фому Аквинского, или Уильяма Оккама людьми, чья мысль свободно плывет без какого бы то ни было якоря. Они тоже дети своего века. Более того, существует определенная философская атмосфера, которая создается коллективной мыслью многочисленных ученых; и она подвергается воздействиям, исходящим из духа века в его экономических, политических, социальных, моральных, религиозных и художественных перспектив. Более того, пока философская мысль подвергается таким образом воздействию извне, она в то же время оказывает влияние на общую культуру, с которой органично связана.

¹ Тимгад (*лат.* Thamugas, Тамугас) – римский город в Северной Африке, на территории современного Алжира. (*Примеч. пер.*)

Для средневековой философской мысли настало время, когда мы должны принимать во внимание эту взаимную зависимость. На самом деле мы можем даже считать полезным пример естествознания – музеи естествознания больше не выставляют экспонаты в виде множества безжизненных объектов в пустой коробке, наоборот, они представляют их так, будто они все еще живы в своих родных джунглях.

Поэтому точка зрения, которую мы выбрали для нашей трактовки в этих лекциях, – это принцип относительности в средневековой философии, исследование, которое соотносит философию с другими факторами в этой цивилизации, взятой как органическое целое. Следовательно, мы скорее будем иметь дело не с отдельными личностями, а с общей философской мыслью той эпохи, с тем, как она представляла себе жизнь и реальность.

II. Методы

Прежде чем указать хронологические рамки и общий план нашего исследования, чрезвычайно важно рассмотреть вопрос метода, который стоит перед нами с самого начала и правильное решение которого имеет далекоидущие последствия. Просто как можем мы понять средневековую цивилизацию, чтобы правильно судить о ней?

Для того чтобы понять средневековую цивилизацию, проникнуться ее духом, мы, прежде всего, должны избегать параллелей с ментальностью и обычаями нашей эпохи. Сколько исследований было загублено только потому, что их авторы не смогли устоять от этого соблазна! Средневековая цивилизация не такая, как наша. Ее особенности имеют другое значение, они предназначались для человека другого века. Чтобы выковать сегодня знаменитый меч Карла Великого, потребуется много усилий, а тяжелые железные рыцарские доспехи не годятся солдатам XX века. То же самое и со средневековой цивилизацией: в целом она не подходит под наши условия.

Далее, чтобы понять Средние века, мы должны мыслить непосредственно в средневековой манере. Когда начинающий приступает к изучению иностранного языка, ему неизбежно советуют думать непосредственно на этом языке, вместо того чтобы старательно переводить слова и фразы с его родного языка.

Точно так же при исследовании цивилизации Средних веков должно понимать ее сущность, впитывать ее и брать с присущими ей внутренними составляющими и структурой, понимать изнутри. Для этого следует рассматривать и определять отдельно каждый фактор, как таковой, а также с должным уважением к его индивидуальной значимости в любую взятую эпоху.

Более того, некоторые факторы, которые составляют цивилизацию, следует рассматривать в собирательном значении и оценивать как единое целое, поскольку только так проявляется ее уникальная гармония. Такая гармония изменяется от одного периода к другому. Следовательно, нам понадобится нарушить самые элементарные принципы критического изучения источников, если потребуется подтвердить истины XV века, которые относятся лишь к XII и XIII векам, или приписывать периодам становления, таким как X и XI века, то, что подтверждено доказательствами только в центральном периоде Средних веков.

Если вышеназванные принципы внутреннего критического разбора необходимы для распознавания духа средневековой цивилизации, они не менее необходимы для того, чтобы правильно оценить этот дух. Несмотря на то что эта цивилизация отличается от нашей, ее не следует оценивать как худшую или лучшую, чем наша. Чтобы определить ее достоинства, мы не должны сравнивать ее институты с нынешними институтами. Несомненно, удручающе видеть историков, которые под воздействием особых симпатий провозглашают XIII век лучшим из всех веков истории человечества и предпочитают его институты нашим. Подобные *laudatores temporis acti* (восхвалители былых времен) в действительности наносят вред делу, которому они намереваются служить. Но в равной степени удручающе видеть других, более многочисленных, которые хулят цивилизацию XIII века и энергично осуждают неблагоразумного мечтателя, который захотел внести определенные его идеи и обычаи в наш современный мир. О возвращении в Средние века вопрос не стоит, такой поворот назад невозможен, поскольку прошлое навсегда останется прошлым. Предпочсть наши железные дороги, к примеру, долгим и рискованным поездкам верхом на лошади того века, конечно, абсурдно, но в то же время недооценивать Средние века, противопоставляя их во всем нашему современному образу жизни, мышлению или чувствам, мне кажется бессмысленным.

Это было бы равносильно воскрешению ошибок Ренессанса, который был ослеплен своим собственным миром и презирал все средневековое². Эта ошибка на удивление часто повторяется и заслуживает рассмотрения из-за уроков, которые она повлекла за собой. Пренебрежение к прошлому порождает невежество, невежество порождает несправедливость, несправедливость порождает предубеждение.

Не имея возможности или не желая возвращаться к документам XIII века, критики XV и XVI веков судили обо всем периоде по ссылкам на позднюю и упадочную схоластику; золотой век был, таким образом, обречен на презрение, которого заслуживает лишь век упадка. Историки XVIII века и начала XIX века получили в наследство ошибочную оценку, сделанную представителями Ренессанса и Реформации, они приняли ее, не подвергая сомнениям и критике, и передали эту ошибку в неизменном виде и дальше. Вот вкратце история увековечивания позора, связанного со Средними веками³.

Исключительный пример ущерба, связанного с такой неудачной попыткой оценить достоинства прошлого, – это неприкрытое презрение к «готической» архитектуре, как из-за ее средневекового происхождения, так и из-за того, что этот термин стал синонимом к слову «варварский». Определенно, можно понять, как по причине неосведомленности, заведенного порядка или образования культурные умы периода Ренессанса отказывались открывать пыльные манускрипты и толстые фолианты; то, что они отдавали предпочтение гуманистическим трудам, таким как труды Вивеса, Агриколы, Ниццоли или других еще более поверхностных философов, сухим тонкостям современных «терминистов» было вполне понятно.

Но нам трудно представить, как соборы Парижа, Реймса, Амьена, Шартра, Кёльна и Страсбурга не смогли найти благосклонности у людей с утонченным вкусом и как их могли включить в число того, что было достойно общего порицания всего средневекового. Ведь эти чудеса в камне не были спрятаны в укромных библиотечных уголках. Наоборот, они вздымались свои шпили, арки, силуэты высоко над городами – и воистину в качестве героического протеста против человеческой несправедливости. То, что возрождение греческой архитектуры могло вызвать энтузиазм, легко можно понять, но трудно представить, как Монтескье, Фенелон⁴, Гёте, которые ежедневно проходили мимо подобных готических соборов, могли отворачиваться от них, говорить пренебрежительно и даже отказываться переступить их порог, считая их пережитками упадочного века. Признание Гёте по этому поводу действительно полно смысла. Он рассказывает нам, что в начале своего пребывания в Страсбурге имел обыкновение безразлично проходить мимо собора, но однажды вошел туда и, как только он это сделал, был очарован красотой, которую до этого не замечал, после чего Гёте не только отказался от своего предубеждения к готическому искусству, но и влюбился в прекрасный собор, красно-коричневые шпили которого возвышаются над равнинами Эльзаса. «Воспитанный среди клеветников на готическую архитектуру, – пишет он, – я лелеял свою антипатию к этим перегруженным, замысловатым орнаментам, которые одной своей причудливостью создают эффект мрачности религии... Но здесь я, кажется, вдруг увидел новое откровение, то, что было предосудительным, оказалось восхитительным, и, наоборот, понимание красоты во всей ее привлекательности отпечталось в моей душе»⁵.

Недоверие, с которым относились к средневековому искусству, теперь определенно уступило более справедливой оценке. Готика прекрасна совершенно по-своему и, уж во всяком случае, не имеет ничего общего с архитектурой XX века. И также мы признаем достоинства

² Само название Средние века пренебрежительно, оно подразумевает переходную стадию, которая не имеет никакой ценности, кроме связи между древностью и современностью. (*Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. авт.*)

³ Ср. с моей *Histoire de la Philosophie Medievale*. Louvain, 1912. P. 106.

⁴ Фенелон Франсуа (де Салиньяк, маркиз де ля Мот Фенелон (1651–1715) – знаменитый французский писатель. (*Примеч. пер.*)

⁵ *Goethe. Dichtung und Wahrheit*. Buch IX. Teil 2.

фресок Джотто, просвечивающихся витражей Шартра, не оценивая их по современным стандартам живописи.

Точно так же никто сегодня не будет связывать себя предубеждением, не столь уж и древним, что до Руссо природу не понимали и что XIII век был несведущим в ее красоте. Все те, кто знаком со скульптурами в соборах и с рукописями, украшенными цветными рисунками, или те, кто прочел «Божественную комедию» Данте и произведения святого Франциска, знают, как несправедлив такой упрек, и они никогда не станут сравнивать интерпретацию природы в XIII веке с интерпретацией наших современных писателей.

Столь явный контраст между нашим восприятием средневекового искусства и презрительным отношением к нему в XVI и XVII веках показывает нам критерии, которых следует придерживаться, чтобы достичь верного суждения о прошлом.

Попросту говоря, чтобы понять ценность всего средневекового, мы должны прибегнуть к помощи стандартов, отличных от установленных условий нашей собственной жизни. Ведь то, что верно для искусства, верно и для всех остальных факторов цивилизации.

Тогда, если мы правильно хотим оценить цивилизацию XIII века, мы должны соотнести ее с такими непреложными нормами, как *достоинство и ценность человеческой природы*. С этим легко согласятся все те, кто считает, что человеческая натура, по существу, не меняется, несмотря на исторические перемены; и конечно же это было общепринятой средневековой доктриной⁶.

В соответствии с этим стандартом, цивилизация находится на высокой стадии развития, когда достигает присущего ей сильного и согласованного выражения необходимых стремлений индивидуума и коллективной жизни; когда она также предоставляет адекватную степень материального благосостояния и основывается на рациональной организации семьи, государства и других групп, дает возможность для дальнейшего широкого развития философии, науки и искусства и когда ее мораль и религия воспитывают свои идеалы на основе благородных отношений и утонченных эмоций. В этом смысле цивилизация XIII века должна рассматриваться среди тех, что преуспели в достижении высокой степени совершенства, ведь определенные уникальные функции и стремления человека здесь проявляются, действительно, в редкой и поразительной форме. Следовательно, она обеспечивает нас документами первостепенной важности для нашего понимания человеческой природы, и по этой причине она может научить и наше сегодняшнее поколение, и грядущие поколения тоже. *Homo sum, nil humani a te alienum puto*⁷.

С этой, и только с этой точки зрения мы можем должным образом назвать хорошими или плохими – давайте не будем говорить «лучшими или худшими» – определенные элементы в нашем наследии от Средних веков. Хвала или хула, которые могут относиться к Средневековью в нашей работе, будут происходить не от сравнения средневековых условий с *условиями нашего века*, а скорее от сравнения их гармонии или отсутствием таковой с *неотъемлемым благородством человеческой природы*. Мы можем тогда говорить о благе и красоте, которые были достигнуты Средневековьем, ведь они являются человеческими реалиями, даже несмотря на то, что окутаны историческим прошлым. «Fioretti»⁸ святого Франциска, «Божественная комедия» Данте, соборы, феодальные добродетели – вот искры человеческой души, *scintillae animae*, чей блеск нельзя погасить, – они имеют свою миссию для всего человечества. И если определенные доктрины схоластической философии сохранили свою ценность, как, допустим, определенные доктрины Платона, Аристотеля, Августина, Декарта, Лейбница и

⁶ См. гл. 12.

⁷ Я человек и считаю, что ничто человеческое мне не чуждо (*лат.*). (*Примеч. пер.*)

⁸ «Цветочки» (*ит.*). (*Примеч. пер.*)

других, то это, должно быть, потому, что они имели глубоко гуманистическое значение, которое всегда остается извечной истиной.

В этих границах будет неправильно, да и невозможно воздерживаться от похвалы и критики. Ведь историк не регистрационная машина, которую не трогают любовь и ненависть. Наоборот, он не может быть безразличным к добру и злу, упадку и возвышенным устремлениям, и, следовательно, он не в состоянии воздерживаться от одобрения или порицания.

III. Значение XII и XIII веков в средневековой цивилизации

Этот метод исторической реконструкции и оценки особенно необходим в изучении XII и XIII веков, – возможно, более, чем для любого другого периода Средневековья. По определенным причинам, которые мы можем теперь рассмотреть, мы ограничим наше исследование этим периодом, как самым сердцем Средневековья.

Прежде всего, это период, когда средневековая цивилизация обретает определенную форму с очертаниями и чертами, которые характеризуют уникальную эру в жизни человечества.

К концу XI века средневековый темперамент еще не сформировался, он находится лишь в процессе развития. Новые расы, кельты и тевтонцы⁹ (тевтонцев составляют главным образом англы, даны, саксы, франки, германцы и нормандцы), пассивно восприняли кое-что от культуры греко-римского мира: определенные элементы организации, юридические и политические, а также некоторые фрагментарные научные и философские идеи. На протяжении IX, X и XI веков эти новые расы сопротивлялись тому, что получили, и все переделывали на собственный лад.

Они отдавались этому со своими достоинствами и недостатками, и результат породил новый порядок вещей. Христианство управляет всей этой работой, но смягчить грубый менталитет варваров – задача не из легких. Эта работа была почти закончена на рассвете XII столетия, и период передвижения ощупью истек. Таким образом, мы имеем три фактора в процессе формирования средневековой цивилизации: наследие Древнего мира, противодействие новых рас и руководящая и направляющая роль христианства.

С началом XII века начали появляться результаты этого продолжительного и постепенного процесса формирования. Это был весенний период. И точно так же, как весна в природе не исключает ни одного растения из своего призыва к жизни, так и весна цивилизации дает почки в каждой области деятельности человека: в политике, экономике, семье и общественном строе, в морали, религии, изящных искусствах, науке, философии – во всех этих возвышенных эманациях человеческой души, которые образуют цивилизацию и определяют ее прогресс, – теперь проявляет свою бьющую через край жизнеспособность и расцветает обильными цветами. Из этих факторов политическая организация зреет первой, что вполне естественно, в то время как философия достигает зрелости самой последней. Первая, так сказать, тело, последняя принадлежит к сложной душевной жизни. А поскольку цивилизация – это, по существу, выражение физических сил, истинный средневековый человек должен проявляться в его религиозных чувствах, моральных устремлениях, в его художественных произведениях, в его философской и научной деятельности.

В XIII веке мы, определенно, достигаем высшей точки развития, то есть периода зрелости. На этой стадии общий комплекс средневековой цивилизации проявляет свои поразительные и неотразимые черты.

Есть и еще одна причина, чтобы сконцентрировать наше внимание на XII и XIII веках. К тому же именно в эти века определенно сформировался философский темперамент Запада.

Все историки согласны с тем, чтобы приписать французскому гению лидерство в мире на протяжении этого периода. Именно во Франции формировалось феодальное мышление. Традиции морали, искусства и религии начали появляться на земле французских провинций. Рыцарство, феодализм, организация бенедиктинцев, монастырские и религиозные реформы,

⁹ Термины «тевтонцы» и «германцы» иногда употребляются в противоположном смысле, но я предпочитаю вышеуказанное использование.

романское и готическое искусство – вот примеры многочисленных плодов, порожденных французским темпераментом, и они распространились по всему западному миру благодаря тогдашним путешествиям и торговле, Крестовым походам и миграции религиозных орденов. Из Франции распространились идеи новой цивилизации в соседние страны, словно искры от пылающего костра. XII и XIII века были веками французской мысли, и это лидерство Франции сохранялось до Столетней войны. Естественно, поэтому такое же лидерство сохранялось и в области философии, как мы увидим далее.

Более того, XIII век – это период, когда как неолатинская, так и англо-кельтская мысль стали явно отличаться от германского типа. Если кто-то доискивается происхождения этих различий в ментальности, обнаруженных у наций Запада, он неизбежно вынужден вернуться в XIII век. Этот век был свидетелем формирования великих европейских наций, рассвета более определенной концепции *patria*, решительных наметок этических черт народов, которые с тех пор наполняют историю своими альянсами и соперничеством. XIII век характеризуется объединительными и космополитическими тенденциями, но в то же время он представляет собой огромное плато, с которого берут свое начало различные потоки, они позднее побегут, словно многоводные реки, в разных и даже противоположных направлениях. Многие особенности в средневековом постижении индивидуальной и общественной жизни, а также многие средневековые философские концепции мира вошли в современные понятия и, несомненно, многие доктрины, которые теперь противоположны друг другу, можно проследить до их возникновения в XIII веке.

IV. Обзор этих веков

Теперь мы можем набросать в общих чертах план нашего труда. С общей точки зрения XII век, возможно, имеет наиболее решающее значение. Но с точки зрения философии XIII век гораздо важнее и, следовательно, потребует больше нашего времени и внимания. Это различие существует благодаря тому факту, что цивилизация всегда развивается быстрее, чем философия, последняя – это нежный плод, который созревает с опозданием и лишь тогда, когда достигается общий рост.

XII век – это креативная и конструктивная эра, и развитие мысли и жизни происходит чрезвычайно быстро во всех направлениях. Все силы кипят, словно в тигле. Наследие греко-римского мира, реакция новых рас, руководящая роль христианства – эти три фактора в формировании средневековой цивилизации теперь находятся в процессе смешения, и результатом явилась концепция жизни, индивидуума и общества, *sui generis* (единственная в своем роде). Новый дух пропитывает политику королей. Партикуляризм местных землевладельцев вступает в различные конфликты с устремлениями центральной власти, в то время как сельские слои приветствуют рассвет свободы, а городское население пробуждается к возможностям многочисленных коммерческих предприятий. Люди находятся в поисках форм правления, в которых все социальные слои смогли бы найти свое место и сыграть свою роль. Крестовые походы, однажды начатые, повторяются с короткими интервалами, сводят вместе различные народы и направляют их внимание на Восток; в то же время они воспитывают в манере до сих пор беспримерного идеала великого человеческого братства, основанного на христианской религии. Церковь охватывает все круги через своих монахов, духовных лиц, епископов. Папство, ставшее центральным с дней папы Григория VII Гильдебранда, обретает международную значимость и постепенно преобразуется в теократическое правительство. Как характерная черта этой эпохи возникают феодальные обычаи и традиции рыцарства. Человек раннего Средневековья развивался; он мог доходить до излишеств в добродетелях и пороках, но под своей грубой внешностью взлелеивал христианские идеалы, и зачастую ценой своей жизни. Возникают новые формы искусства, которые находят своих самых ревностных пособников в церковниках. Другие церковники отдаются культивированию науки и письма и таким образом закладывают фундамент того самого внушительного философского монумента, схоластики, который веками руководит и направляет мысль. Так, философия лишь один из элементов в этой новой цивилизации. В действительности она получает больше, чем отдает. Некоторые из факторов воздействия, которые управляли ею из окружающей среды, мы рассмотрим в свое время¹⁰. Но сначала мы сделаем быстрый обзор французского средневекового общества и типа ментальности, который переходит от него в интеллектуальные круги Запада¹¹. Завершая настоящую главу, давайте кратко рассмотрим XIII век.

В XIII веке средневековая цивилизация порождает свои плоды. Феодальная монархия получает в свое органичное бытие все те социальные силы, которые составляют жизнь нации. Материальное благосостояние увеличивается, и отношения между нациями быстро развиваются. Искусство торопится по своему триумфальному пути. Готическая архитектура появляется рядом с романской, возникает живопись, а литература начинает обретать крылья в полете, который заканчивается гуманизмом.

Религия больше, чем когда-либо, способствует единению, она входит во все отношения и жизнь той эпохи. Папство достигает вершины своей власти, и, господствуя над королями и императорами, оно оказывает влияние на каждый аспект общественной деятельности. Повсюду

¹⁰ См. гл. 3.

¹¹ См. гл. 2.

преобладает некое стабильное равновесие. Люди горды тем, как они организовали человеческое существование. В изобилии появляются философские идеи и системы, проявляющие роскошь, непревзойденную с эллинистической эпохи¹². Среди этих многочисленных систем схоластика в наибольшей степени находится в гармонии с веком и, как их самое радикальное выражение, становится господствующей философией. Ее корни повсюду находятся в цивилизации XIII века. Во-первых, потому, что схоластика проявляет те аспекты отношений, которые объединяют ее со всеми другими сферами деятельности¹³. Во-вторых, потому, что многие из ее доктрин носят отпечаток характерных средневековых идей, как социальных, так и моральных¹⁴. В-третьих, потому, что схоластика, прежде всего, философия тех людей, которые находятся во главе культурного движения XIII века¹⁵. В последующем мы постараемся подтвердить эти заявления.

¹² См. гл. 4.

¹³ См. гл. 5–7.

¹⁴ См. гл. 8—12.

¹⁵ См. гл. 8.

Глава вторая

Обзор цивилизации XII века

І. Феодалная Европа

Чтобы понять, как цивилизация XII века отражается в философии того времени, мы должны сделать общий обзор элементов этой цивилизации, которые наиболее тесно связаны с интеллектуальной жизнью, а именно политические институты, моральные и социальные идеалы, критерии искусства и религиозные верования.

Эти несколько элементов функционируют по-разному в разных странах Европы, но в нашем общем обзоре мы будем рассматривать скорее сходство, не намереваясь, таким образом, отвергать или преуменьшать различия. Поскольку именно во Франции эта цивилизация произвела свои отборные плоды, и именно здесь мы особенно должны искать ее самые оригинальные и последовательные формы.

В отношении политического и общественного порядка феодализм стал повсеместным. Бароны, герцоги, графы и лорды (землевладельцы) жили независимо в своих собственных замках и узурпировали более или менее суверенное право. Между ними существовали не только отношения личной преданности, но также и обязательства, основанные на добровольном договоре, связывали одного человека с другим в зависимости от определенных привилегий или в зависимости от земли, полученной или отданной. Один – вассал – был обязан оказывать услуги, другой – лорд – был в равной степени обязан оберегать и защищать.

Во Франции, где новая организация появляется в ее наичистейшей форме, нет ничего более сложного, чем схема феодальных отношений. Во главе, теоретически, но не всегда практически, стоял король. Великие лорды были вассалами других феодальных сеньоров. Разве не феодальные отношения Генриха II Английского и Луи VII Французского стали отправным пунктом всех их войн и ссор? Ведь первый стал вассалом второго в тот самый день, когда женился на Элеоноре Аквитанской, чье герцогство было даровано французским королем английскому монарху. Светские и местные землевладельцы были вынуждены бороться против королевских тенденций централизации, и антагонизм между вассалами и королем, их сюзереном, был главной чертой политики Франции в XII веке¹⁶. Разобщенность оставалась, но она была на закате, и следующий век стал свидетелем триумфа принципа централизации.

Нечто подобное происходило и в Англии. Ведь эта страна была так тесно связана с Францией, что их совместные территории можно назвать общей почвой средневековой цивилизации. Английский свет в целом был французского происхождения, во всяком случае, семена были посеяны во французскую почву в 1061 году Вильгельмом Завоевателем и его французскими баронами и королями французской крови, которые пришли из Нормандии и из Анжу, правили Британскими островами, но большую часть времени проводили во французских провинциях.

Французский был языком королевского двора, и придворные хотели, чтобы их хоронили в Нормандском аббатстве в Кане или в Анжуйском аббатстве в Фонтевро; они вызывали своих советников из Франции и покровительствовали становлению французского духовенства и французского монашества в Англии. Английский король Генрих II, первый из династии Плантагенетов, был одним из самых радикальных организаторов своего века; действительно,

¹⁶ Luchaire A. Louis VII, Philippe Auguste, Louis VIII // Histoire de France, pub. par Lavisce. 1902. Vol. III.

его вполне можно спутать с его современником, королем Франции Филиппом Красивым¹⁷. Тогда удивительно, почему же мы видим, что Англия тоже была поделена на феодальные владения, а королевская политика проявляет все те же тенденции централизации?

Но если монархия и феодализм во Франции и Англии были так сильно схожи, то в Германии они представлялись в совершенно ином виде. Причиной тому было то, что в то самое время, когда власть короля во Франции уже ослабевала, Саксонская династия Оттонов установила в Германии деспотический режим по образцу режима Карла Великого. Германские короли, которых короновали императорами Запада, держали своих титулованных лиц в определенном роде военном рабстве, они назначали епископов и настоятелей монастырей и принуждали их к военной службе.

Однако мало-помалу княжества отстаивали свои права, и быстро развивающиеся города получали все больше и больше свободы. Теперь посмотрим, как клюнийские монахи¹⁸ способствовали этим переменам. Так, посредством процесса децентрализации Германия в XII веке постепенно обретала все больше и больше феодальных черт, в то время как Франция и Англия развивались в направлении централизации.

На протяжении XI и XII веков судьба Италии была тесно связана с судьбой Германии. Причиной этому было то, что имперские амбиции Германии предполагали захват Италии, великой страны, которая тоже была поделена на различные княжества. Некоторое время императорам сопутствовала удача, но образовалась сильная оппозиция. Отсюда их продолжительная борьба с городами Ломбардии, настоящими муниципальными республиками, против папства, которое в конце концов победило, с великой южной областью Сицилией, основанной норманнскими рыцарями, которая была центром французских феодальных идей, и ею правили французские принцы.

Что же касается Испании, расположенной на границах западной и арабской цивилизаций, она представляла собой уникальный аспект. Христианские королевства Кастилии, Леона, Наварры, Арагона предприняли попытку отвоевать полуостров у мусульман, и они были организованы в соответствии с феодальными принципами Франции.

С другой стороны, юг оставался в руках язычников, и проникновение арабской цивилизации внесло свой вклад в пробуждение философии в XIII веке, как мы и увидим далее¹⁹.

Следовательно, когда мы рассматриваем выдающиеся черты политической и общественной ситуации, феодальная раздробленность обнаруживается повсеместно. Франция, которая, по-видимому, была отправным пунктом всей системы, Англия после завоевания (норманнами), некоторые части Италии и Испании, а также Германии – вся Западная Европа фактически имела вид шахматной доски.

¹⁷ Luchaire A. Op. cit. P. 49. Henry II, 1133–1189; Philip the Fair, 1269–1314.

¹⁸ См. гл. 2, II.

¹⁹ См. гл. 4, IV.

II. Влияние католичества: Ключи, Сито, епископство, папство

Католическая церковь была тесно связана с этой феодальной системой через своих епископов, которые были землевладельцами, как светскими, так и духовными, и главным образом через аббатов своих монастырей. XII век – золотой век аббатств. Ни в один исторический период ни одно учреждение не имело более близкого контакта как с религиозным, так и с социальным фоном, чем аббатства Ключи и Сито. Это были две большие ветви одного бенедиктинского ствола, два материнских дома, дочери которых были разбросаны по всей Франции и Европе.

IX век был свидетелем катастрофического ослабления религиозной дисциплины, и именно Ключи первым вернулся к точному соблюдению правил святого Бенедикта.

Монастырь был основан в Бургундии в 910 году феодальным землевладельцем герцогом Вильгельмом Аквитанским. И как раз здесь мы встречаемся с необычным феноменом, который демонстрирует, как религиозный дух стал великой моральной силой того периода. «Аббатства, построенные в IX и X веках, – говорит Рейно²⁰, – чтобы восстановить древнее правление святого Бенедикта, были все или почти все делом рук военного сословия». После жизни, полной приключений и войн, или после грозовой юности эти гордые феодальные лорды часто уединялись в монастырях и накладывали на себя епитимью. Они отказывались от мира и с того времени предавались аскетизму с таким же рвением, какое прежде проявляли в своих военных подвигах. Так, Поппо из Ставелота был обручен с богатой наследницей, и, когда однажды вечером по дороге домой после свидания с ней над ним вдруг вспыхнул яркий свет, он пришел в ужас и в раскаянии за свою прошлую жизнь облачился в сутану бенедиктинца. Примеров таких обращений в веру было множество.

Монахи Ключи не только вселили новое религиозное рвение в своем монастыре, они не только восстановили дисциплину, обеты и благочестие, они не только поддерживали и умножали пылкую веру людей, зависящих от них, они к тому же пробудили тот же дух в великом множестве других монастырей.

Это было достигнуто далекоидущей реформой – ключийской конгрегацией монастырей. Ведь до того времени монастыри бенедиктинцев были независимыми. Но Ключи организовал эти группы и поставил себя во главе сильно централизованного режима. Монастырь стал матерью, чьи дочери быстро распространились за его границы – по всей Франции и Англии, Германии и Северной Испании, Венгрии и Польше. В начале XII века две тысячи бенедиктинских религиозных братств зависело от ключийской системы, и сегодня дюжины французских деревень до сих пор носят имя святого Бенедикта в память того или иного бенедиктинского монастыря. Весь западный христианский мир был опутан огромной сетью монастырских учреждений, душой и вдохновителем которого был Ключи, и, таким образом, единое мышление и единая политика пропитали всю систему.

В этом процессе федерализации аббатство Ключи было успешно создано по образцу феодальной системы, но оно затем, в свою очередь, принялось наполнять этот самый феодализм своим духом. Таким образом, феодальная концепция проявляется в клятве преданности, которая связывает монаха с его монастырем, как вассала со своим землевладельцем, и которую он не может нарушить без согласия своего настоятеля, в верховной власти настоятеля, в его визитах, как главы, к своим подчиненным, во взносах присоединенных монастырей материнскому дому и в изменяющихся объединениях самостоятельных групп. Но посредством своего так

²⁰ Reynaud L. Les origines de l'influence française en Allemagne. Paris, 1913. P. 43.

далеко распространяющегося влияния столь могущественная сила могла успешно бороться в обществе того времени с силами зла, и она также могла повернуть современные идеи на службу христианству. Ключи обратил феодализм в христианство. Это влияние видно нам в четырех основных аспектах, которые мы сейчас и рассмотрим.

Первый: монахи обращались со своими работниками с добротой и справедливостью, с этими их собратьями, которые родились на их землях и работали с ними в лесах и на полях. И это делалось в то время, когда мирские бароны считали своих подданных рабами и просто рабочим инструментом. «Мы обладаем той же властью, что и феодальный властитель, сеньор, – пишет преподобный Петр, настоятель Ключи, в начале XII века, – но мы пользуемся ею по-другому... Наши работники считаются нам братьями и сестрами. *Servos et ancillas, non ut servos et ancillas, sed ut fratres et sorores habent* («Мы относимся к слугам и служанкам не как к простой челяди, но как к братьям и сестрам»)»²¹.

Второй, и самый важный: монахи привносили христианские идеи в умы феодальных баронов. Посредством возвышенной христианской морали, состоящей из добра и любви, они смягчали все brutальное в поведении этих развивающихся галло-франков и англо-кельтов, война, сражения и жестокость у которых были в крови. Ключи наложил на них мир и прекращение враждебных действий в дни, установленные церковью, в чем мы находим нечто от тех прав гуманности, которые существуют во все времена. Как только было установлено прекращение враждебных действий в дни, установленные церковью, закон вступил в силу, и все духовные лица, крестьяне, купцы и все не участвующие в боевых операциях стали иметь право отдохнуть от жестокости воинов.

Даже к животным нужно относиться с уважением. Религиозные сооружения и общественные здания нужно беречь. Более того, военные действия приостанавливаются с вечера среды по утро понедельника во время Рождественского поста и Великого поста, а также в дни поста (по три дня четыре раза в год в англиканской и католической церкви), то же относится и ко всем великим праздникам. Когда любое общество людей проявляет сознательность к таким обязательствам, оно уже вышло из варварства, и, каким бы ни была его структура, оно должно считаться среди тех обществ человечества, которые предназначены для высокоразвитой цивилизации.

Более того, в-третьих, Ключи выковал моральные устои рыцарства, преобразил его идеалы и внес религию в его церемониалы. Как только рыцарь соприкасался с христианской моралью, он переставал быть эгоистичным, амбициозным и жестоким воином, он учился быть преданным и щедрым, он становился прирожденным защитником церкви, защитником слабых, противником насилия. Когда начинались переговоры для обсуждения условий заключения мира, монахи призывали благородное сословие к милосердию и прощению, которое зачастую раскаивалось в слезах; или же каждый, кто мародерствовал накануне, немедленно отправлялся в долгое паломничество к могиле святого Иакова в Сантьяго-де-Компостела, или в Рим, или в Иерусалим искупать свои грехи. И таким образом, ключийские монахи оживили зачаточные добродетели расы. Слово «франк», изначально обозначавшее людей, населяющих Галлию, стало синонимом слову «верный»²².

Именно в таком аспекте представлено рыцарство в многочисленных поэтических сочинениях XII века, *Chansons de Geste* (песнях о деяниях), из которых *Chanson de Roland* («Песнь о Роланде») предоставляет красивейший пример. Союз воинственного духа с религиозным, а также альянс феодальной системы с церковью становятся нерушимыми. Когда пришло время проповедовать Крестовые походы, Ключи мог с уверенностью призвать феодалов вести свои армии в Святую землю. Первый крестовый поход фактически был строго ключийским пред-

²¹ Epist. 28. Migne. Patr. lat. Vol. 189. Col. 146.

²² Reynaud. Op. cit. P. 339.

приятием, и папа Урбан II, который провозгласил его на знаменитом Клермонском соборе, сам был клюнийским монахом. И где же влияние монашеского идеала как общественной силы проявляется гораздо яснее, как не в тех эпических поэмах смелости, в тех далеких походах, где столько юных рыцарей лишились жизни?

Но аббаты Ключни осуществили и четвертую услугу обществу: они предприняли реформу белого духовенства, как священников, так и епископов. Они порицали скандальные злоупотребления женатых епископов, которые жили как феодальные бароны, предаваясь пирам и войнам. Ключийские монахи также потрудились, чтобы освободить епископов от покровительства крупных феодалов, которые продавали епископальные должности, и они провозгласили, что епископы должны избираться народом и духовными лицами в знаменитой *борьбе за инвеституру*²³. Злоупотребления, однако, оказывали свое самое губительное влияние в Германии, где герцоги, настоятели монастырей и епископы были, как мы видели, людьми императора²⁴.

Более того, сам папа служил в качестве германского должностного лица с тех пор, как Оттон I завоевал Италию и возложил себе на голову корону Карла Великого. Именно великое аббатство Ключни изменило такое положение дел. Именно Ключни посредством одного из своих дочерних монастырей, аббатства Хиршау в Шварцвальде²⁵, ввело идеи французской феодальной системы вместе с монастырской реформой. Французское влияние Ключни не только смягчило варварские привычки феодальных землевладельцев, но также положило конец этой опасной привилегии назначать папу, которого по собственному усмотрению и себе на благо назначал германский император, и таким образом оно избавило папство от этого унижительного ярма. Знаменитый Гильдебранд был прежде клюнийским монахом, и, будучи папой Григорием VII, он развернул знаменитую *борьбу за инвеституру* против императора Генриха IV. Этот поединок закончился поражением императора при Каноссе. В той драматичной сцене, которая завершила борьбу, было олицетворение средневековой жестокости – унижение императора и триумф клюнийских идей. Генрих IV был вынужден перейти в середине зимы и без свиты покрытые снегом Альпы и в течение трех дней ожидать аудиенции папы.

Гуго, настоятель Ключни, был свидетелем унижения императора. Впервые идеи Франции восторжествовали над силой Германии²⁶, и эти французские идеи были клюнийскими идеями.

По причине столь широко распространившегося и проникновенного влияния, оказываемого на средневековую ментальность прославленным монастырем, в 1910 году на конгрессе, посвященном тысячелетнему юбилею, который собрал в Ключни ученых мужей отовсюду, один из них мог сказать: «Мы приехали в Ключни, чтобы пропеть гимн цивилизации²⁷».

Но процветание Ключни, особенно его чрезмерное богатство, стало одной из главных причин его упадка. В начале XII века клюнийская монашеская жизнь становится более вялой, и с того времени влияние монастыря в качестве социальной силы идет на убыль.

Но после того как клюнийский орден выполнил свое великое предназначение, была учреждена еще одна бенедиктинская конгрегация, которая возродила этот знаменитый образец: орден в Сито в Бургундии, который тотчас же распространился по всей Франции и повсеместно в Европе в XII веке. Этот новый порядок, обычно называемый цистерцианством, был также федерацией бенедиктинских монастырей, хотя каждый из них был более независим, чем в случае клюнийской системы.

Конгрегация Сито продолжила трудиться на благо преобразований, моральных и религиозных, которыми занимался Ключийский монастырь, но придавала больше внимания той

²³ Инвеститура – назначение на церковные должности и введение в сан. (Примеч. пер).

²⁴ См. выше, с. 24.

²⁵ Шварцвальд – горный массив на юго-западе Германии. (Примеч. пер.)

²⁶ Ср.: *Lamprecht. Deutsche Geschichte.* III. S. 192, 193.

²⁷ *Millenaire de Cluny // Academic de Magon, 1910. Vol. XV. P. Ixxiv.*

части, которая взывала к ручному труду, – и действительно, выполняя работу на благо общества, такие как осушение болот и расчистка от леса обширных территорий, цистерцианцы изменили сельскохозяйственную карту Европы. В то же время они многое сделали, чтобы отменить крепостничество.

Религиозный и общественный дух Сито лучше всего виден в авторитетной и энергичной фигуре святого Бернара, которая доминирует на протяжении всего XII века. Настоятель Клервского монастыря – монастыря, основанного им и зависимого от Сито, – этот незаурядный монах был не только святым аскетом, но и к тому же, как ни удивительно, человеком действия. Он был лидером, красноречивым оратором, чьи проповеди трогали толпу, и он осмеливался порицать великих наравне с малыми. Так, он критиковал клюнийских монахов как людей, «чья сутана сшита из того же куска материи, что и платье рыцаря» и чьи церкви украшены с бесполезной роскошью. Он критиковал злоупотребления римского двора и не симпатизировал преемнику Петра, разряженному в шелка и ехавшему на белой верховой лошади в сопровождении шумных священников. Он критикует злоупотребления в жизни духовенства и взывает к их учителям: «Горе тому, кто владеет ключами не только от знаний, но и от власти». Он осмелился поправлять самых известных преподавателей, таких как Абельяр и Гильберт Порретанский, и вызывал их на церковный собор. Он настоятельно советует как мужчинам, так и женщинам отправляться в монастыри, он содействует Второму крестовому походу, он поддерживает возникающий орден тамплиеров, этот военный орден, члены которого были одновременно и монахами и воинами и которые добавляли к религиозным обетам клятвы защищать Святую землю и пилигримов, он проявляет интерес к учреждению орденов картезианцев в 1132 году и премонстра-нианцев в 1120 году; он мечтает о формировании всего общества по образу и подобию своего аскетического идеала. Его собственный идеал был даже более возвышенным, чем идеал его века, и, когда он умер в 1153 году, средневековое общество уже достигло высот своего монастырского идеала²⁸

²⁸ См.: *Vacandard. Vie de S. Bernard. 2 vols. Paris, 1902.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.